
Игорь ПАНИН

* * *

С нерадостной усмешкой очевидца
свидетельствую — всем пришлось несладко.
В сухом остатке: дачная земляца,
моих друзей стареющие лица,
моих врагов слабеющая хватка.

И вот я, пребывающий в печали,
не прошмыгнувший ни в ферзи, ни в дамки,
пожму картинно рыхлыми плечами,
как будто жизнь совсем еще в начале
и протекает в неприступном замке.

А все сбылось не так, как затевалось,
а затевалось тоже без расчета.
Растил к себе невиданную жалость, —
она все истончалась, и сужалась,
и сгнула совсем... Какого черта?!

И нет уже ни слов, ни озарений,
как будто бы прижали у забора,
не мешкая, в тени густой сирени
по голове трубой стальной огрели, —
а значит, оклемаешься не скоро.

Но потому-то нечего бояться —
мне до конца играть придется, значит,
роль тунеядца, если не паяца.
...Я знаю, что не стоит удивляться,
но удивляюсь — так или иначе.

* * *

И чем старше становишься — тем веселей
невеселое льется вино.
И бредет по листве невесомых аллей
за тобою толпа мертвецов.

И куда б ни стремился, куда б ни спешил —
всюду чувствуешь их за спиной.

Игорь Панин — поэт, публицист, литературный критик. Родился в 1972 году в Воронежской области. Окончил Тбилисский государственный университет (факультет филологии). Публиковался в журналах «Континент», «Дети Ра», «Крещатик», «Дружба народов», «День и ночь», «Нева», «Зинзивер», «Сибирские огни» и др. Автор нескольких книг стихов. Живет в Москве.

И мурашки слетают к подножью души,
оседая крупной ледяной.

Обернувшись, узнаешь, конечно, отца,
заприметишь кого из родни.
И не будет причины уже отрицать,
что тебя догоняют они.

Опускаются руки, теряется стать...
Боже мой, сколько памятных лиц!
Я бы мог вдохновенно сейчас накатать
хоть о каждом с десяток страниц.

Но не время, не место, толпа все растет,
а в альбоме не хватит листов.
И готов я, наверное, сам в переплет.
Или все-таки я не готов?

* * *

Все мечтаю построить склеп,
чтоб из мрамора высшей пробы;
пусть он кажется так нелеп
в окружение простых надгробий.
Но чтоб было всего с лихвой:
витражи, ангелочки, чаши,
барельефы над головой —
и чтоб плющ все обвил жутчайший.

А внутри, сотворя обряд
еретического замеса,
саркофаги поставлю в ряд
и себе облюбую место.
Соберу я родных туда,
наведу их со всех погостов...
Это им от потомка дар —
усыпально-фамильный остров.

Может, в этих стенах они
перемирятся поневоле.
Род несчастный, настали дни —
ты не зол, ты не гол, не болен.
И когда они там уже
упокоятся вновь навеки,
я скажу не для всех ушей:
«Благодарствую, человеки».

И покамест я не ослеп,
любоваться буду упрямо, —
для меня этот строгий склеп
станет самым священным храмом.

...Только денег на тьму камней
не добыть никакой ценою...
Пусть хотя бы стоит во мне
и рассыплется в пыль со мною.

НА МАЛОЙ РОДИНЕ

Не чистятся канавы вдоль дороги,
и тротуары зарастают.
Тут точно позабудешь о зарке,
история простая.
Не возражай, когда и впрямь не надо,
давай возьмем еще пол-литра.
Ты оцени, какая здесь прохлада,
как зелень монолитна.

Сейчас бы пригласить подруг из детства,
к столу придвинув пыльных кресел...
Но им от внуков никуда не деться,
и я — не интересен.
А где ребята наши? О погоде
да о рыбалке потрепаться...
Ну, так в тюрьме, в земле и на подходе, —
загнул всего три пальца!..

Дом — бодрый старичок, а вот времянка —
кряхтит лачугой обветшалой.
Я не раскис и не настолько пьян, как
хотелось бы, пожалуй.
И не пойду по улице вразвалку,
схватив подсушенный подсолнух.
Мне марку поддержать свою не жалко
в глазах старушек сонных.

Горсад залит бетоном ли, цементом?
И спилены все гулливеры...
Зла не хватает мне при виде этом
и в будущее веры.
И не с кем перекинуться словечком;
не собеседник сам себе я.
Привязан к месту, полагал, навечно,
но пути все слабее.

Забрезжит свет — к реке парной спуститься,
как в прошлом, спиннингом играя;
чтоб надо мной — горящая денница,
в ногах — трава сырая.
И с болью чужака и инородца
заплакать, оглядев просторы,
о мальчишке, который не вернется,
о мальчишке, который...

* * *

Жалко, что ты жива,
прима театра дешевого.
Сколько еще жевать-
пережевывать,
что поросло быльем
и отцвело бурьяном?
Все ворошишь белье,
манией обуяна.

Вот бы лежала ты
в тесном своем гробу,
в облаке духоты,
слушая, как кроты
роются наобум.
А по тебе ползли б
склизкие гады.
Но и случайный всхлип
явно не умилил
алчной бригады.

Если б была мертва —
это же проще
даже, чем дважды два,
чем неуклюжий росчерк.
Тлеешь, а сны ясны,
подбородок подвязан.
Крест из простой сосны
установлен под вязом...

Я бы тогда сочинял
с чувством такта
про печальный любви финал —
мол, так-то.
Я бы пошел в распыл
весело и картинно,
дружбу свою крепил
с хмелем и никотином.

Стала бы ты звездой,
мифом, легендой, песней!
Ну а теперь седой,
высохшей и безвестной,
сплетнями тешишь гнев
в мире своей палаты.
Сгинь оно все в огне!
Лучше бы умерла ты.

Боязно было, да?
Вышло гораздо хуже —
внутренняя пустота
и ничего снаружи.
Прошлой надежды мыс
смыло, на взгляд эксперта.
В смерти твоей был смысл,
только чего теперь-то...

КАМЧАТКА

В краю медведей, и вулканов,
и рек рычащих
я б заплутал однажды, канув
в корявой чаще.

И ни записки, в самом деле,
ни вести вещей.
А в темном номере отеля —
скучают вещи.

Ищи теперь свищи владельца —
вот сумка, куртка...
Но будет знать, куда я делся,
лишь Ворон Кутха.

Глубинна, выпукла, обширна
страна родная;
как накачу стакан за ширмой —
не вижу дна я.

Хватает мест, где притулиться
в простой одеже.
Но те, что дальше от столицы, —
они надежней.

В краю источников горячих —
бескрайни дали;
меня там ительмены спрячут
и камчадалы.

Никем особо не гонимый,
но беспокойный,
осяду в ранге анонима
в заросшей пойме.

Чтоб занять себе по чину
достойный выдел.
Чтоб непростой моей кончины
Никто не видел.